

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ АВТОРОВ СБОРНИКА “ИЗ ГЛУБИНЫ” (1918)¹

© 2017 г. О. А. Богданова

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Россия 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а
olgabogda@yandex.ru

F. M. DOSTOEVSKY AND THE RUSSIAN REVOLUTION AS GRASPED BY THE AUTHORS OF THE BOOK “FROM THE DEPTHS” (1918)

© 2017 Olga A. Bogdanova

Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
olgabogda@yandex.ru

Религиозно-философское крыло русской интеллигенции, представленное в сборнике статей “Из глубины”, осмысляло события Октябрьского переворота 1917 г. во многом сквозь призму творчества Ф.М. Достоевского. Особое значение для авторов сборника имели суждения и концепции великого писателя по актуальным для эпохи начала XX в. вопросам: о народе, интеллигенции, самодержавии — как элементам происходившего в стране революционного процесса. В исследовании использованы историко-функциональный метод, принципы рецептивной эстетики, герменевтический подход, концептуальный (константологический) анализ. Научные результаты статьи — в обнаружении динамики восприятия идей и мнений автора “Бесов” в революционном контексте 1917–1918 гг.: после падения монархии и установления советской власти было признано, что отнюдь не самодержавие — источник российских бед, и это сняло с Достоевского ярлык “реакционера”; отрицая концепцию “народа-богоносца”, публицисты “Из глубины” увидели в своей современности явление “смердяковщины”, объединявшее “зверя”, “нигилиста” и “хама” в народной среде; не клеветой, а подлинной правдой о революционной интеллигенции было названо открытое Достоевским явление “шигалеvщины”; также с ним разделялись мнение о религиозно-метафизическом смысле русской революции (“бесноватости” ее строителей и участников) и христианский оптимизм по отношению к будущей духовной судьбе русского народа.

The religious and philosophical ‘wing’ of the Russian intelligentsia, associated with the collection of articles “From the depths” (*Iz glubiny*), was viewing the events of the October revolution of 1917 largely through the prism of F.M. Dostoevsky’s works and thought. Of particular importance to the authors of the collection there were the notions and convictions of Dostoevsky, which concerned the most topical issues of the beginning of the 20th century; namely, of the people, intelligentsia, the Tsarist autocracy — all of which were part of the revolutionary discourse. Our study makes use of the historical-functional method, the principles of receptive aesthetics, the hermeneutic approach, and conceptual analysis. The scholarly import of this article is in tracing the dynamics of the response to the views and opinions of the author of “The Devils” within the revolutionary context of the 1917th-1918th: after the fall of the monarchy and after the establishment of the Soviet regime, it was recognized that autocracy cannot be considered as the only source of all Russian troubles — the thought, which helped to stop labeling Dostoevsky as “reactionary”; by defying the concept of the “God-bearing people”, the publicists of “From the depths” recognized the contemporaneity of the phenomenon of “smerdyakovschina” (“a beast”, “a nihilist”, and “a shameless Ham” in one piece — a combination not unusual for the lower middle-class environment); the Dostoevsky term “chigalevschina” was acknowledged to be not a misnomer, but a truthful description of the revolutionary intellectuals; also the authors of “From the depths” shared with Dostoevsky the views on the religious-metaphysical meaning of the Russian revolution (the “demon possessed-ness” of its leaders and participants) and the Christian optimism toward the future spiritual destiny of the Russian people.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, сборник “Из глубины”, революция 1917 г., “народ-богоносец”, самодержавие, интеллигенция, “шигалеvщина”, “смердяковщина”.

Keywords: Dostoevsky, a collection “From the depths”, the Revolution of 1917, “God-bearing people”, Tsarist autocracy, intellectuals, “smerdyakovschina”, “chigalevschina”.

Дата поступления материала в редакцию 15 декабря 2015 г.

Received by Editor on December 15, 2015.

¹ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РГНФ № 15-34-12003 “Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — начало 1920-х гг.)”.

Громадность роли Ф.М. Достоевского, его личности и произведений в культурном сознании начала XX в. отчетливо обозначилась в свете революционных событий 1905–1907 гг. Так, С.Н. Булгаков во вступительной статье к 1-му тому Юбилейного (6-го) Полного собрания сочинений Достоевского в 1906 г. констатировал, что, в отличие от ушедших в прошлое классиков XIX в., один только Достоевский “все ярче и отчетливей <...> выступает пред нашим духовным взором” — недаром русское общество наконец “вступает в наследство, от которого так долго отказывалось, ибо всей ценности его не понимало...” [1, с. VI]. В 1912 г. киевский эссеист А.К. Закржевский подвел первый итог стремительно развивавшемуся процессу: “Уже стал неоспоримой истиной тот факт, что Достоевский весь воплотился в современности, что он стал вдохновением и отправной точкой почти для всех наших писателей, поэтов, философов, что современное религиозное сознание все целиком вышло из Достоевского, что творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровения, его бездонную и вечную глубину” [2, с. II].

Неудивительно, что наиболее заметные социально-исторические и политические события эпохи — революция 1905–1907 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., вторая русская революция 1917 г., свержение монархии, неудача либерального правления страной и приход к власти большевиков в конце 1917 г. — осмыслились ее участниками во многом сквозь призму Достоевского-художника, автора великих и загадочных романов, и Достоевского-мыслителя и публициста, непосредственно раскрывшего свои личные убеждения в “Дневнике писателя”.

Сборник “Из глубины” был собран к августу 1918 г. из статей, написанных по горячим следам революционных событий, после Октябрьского переворота и первых шагов советской власти. В России уже напечатанное издание не смогло увидеть свет из-за наступившего после покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. “красного террора”. Вывезенные в 1922 г. за границу экземпляры стали основой для последующего издания книги на Западе².

Сборник изначально задумывался его издателем П.Б. Струве как продолжение идейной линии “Вех”³ в новых исторических усло-

виях — поэтому его авторский костяк составили те же люди: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, сам Струве. Если “Вехи” были “предостережением” и “слабым предчувствием моральной и политической катастрофы”, то “Из глубины” — “высказывание” религиозно-философской интеллигенции “об уже совершившемся крушении <...> которое постигло наш народ и наше государство” [3, с. 209]. “Из глубины” еще в большей степени, чем “Вехи”, пестрит многочисленными обращениями к Достоевскому, прежде всего по актуальным в годину революции вопросам — о самодержавии, народе, интеллигенции... Еще резче подчеркнут здесь и предуказанный Достоевским религиозно-метафизический характер происходивших событий.

Особенно разительно отличается в революциях 1905 и Октября 1917 гг. отношение к самодержавию. Если для С.Н. Булгакова в 1906 г. самодержавие как целое — сугубое царство “тьмы”, “бюрократический вампир” [1, с. XXXIII], то, например, С.А. Аскольдов, рассуждая в статье 1918 г. о вере и христианском долготерпении русского народа, с симпатией и уважением отозвался о царе-освободителе Александре II, чье “мудрое” дело погубили последующие правители, отказом от необходимых реформ спровоцировав успех революционно-социалистической пропаганды в народных массах (см.: [4, с. 233]).

В свою очередь, Бердяев заявлял: “Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить”, на деле “тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре” [5, с. 256]. Здесь бросается в глаза перекличка со словами Достоевского из “Дневника писателя” за 1877 г.: “Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой” [6, с. 201], истина которых открылась лишь в опыте Октября 1917 г. Более того, писал Бердяев, “формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом” [5, с. 258].

В диалогах Булгакова, объединенных под заглавием “На пиру богов”, сталкивались различные точки зрения на русское самодержавие: консервативная, либеральная, мистическая и пр. Последняя, утверждавшая устами одного из участников

² Из глубины: Сборник статей о русской революции. Париж: YMCA-Press, 1967.

³ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. Саблина, 1909.

диалогов Беженца inferнальный характер свергнувшей монархии революции, по-видимому, была наиболее близка автору. С мнением Достоевского совпала позиция другого участника диалогов — Генерала: народу “нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой” — “тогда восстановится сама собой и Россия” [10, с. 314].

И.А. Покровский в статье “Перуново заклетье” показал многообразие политических обликов “русского деспотизма”: “палочное вечевое народоправство”, “палочное самодержавие” Ивана Грозного, Петра Великого и Николая I, “диктатура пролетариата”. Причину этого “злого заклетья” правовед усмотрел не во внешних формах правления, не в русской монархии как таковой, а в неразвитости в стране либерально-гуманистической и правовой культуры (см.: [11, с. 443–444]).

Опираясь на вновь приобретенный опыт, Струве фактически продолжил линию, начатую в “Вехах”: по его мнению, самые недостатки свергнутого в 1917 г. “режима” «коренились не в порядках и учреждениях, не в “бюрократии”, “полиции”, “самодержавии”, как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями» [12, с. 461]. Вину самодержавия публицист усматривал лишь в систематическом недопущении интеллигенции к государственному строительству, что сформировало в ней “психологию и традицию государственного отщепенства” и толкнуло на путь революционного радикализма [12, с. 462].

Наконец, Франк, констатировав вместо ожидавшегося возрождения “в процессе революции” — гибель России, заключал: “Теперь уже неизбежно сознание, что не политические формы жизни как таковые определяют добро и зло в народной жизни, а проникающий их живой нравственный дух народа” [13, с. 492].

Реальное отношение Достоевского к народу нельзя назвать однозначным. Да, это “богоносец”, но в то же время и “зверь”, и даже “нигилист”. Причем первое определение русского народа появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов (“Бесы”) и старец Зосима (“Братья Карамазовы”), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: “человекобожеский” у Шатова и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о

“богоносности” русского народа нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию (подробнее см.: [15]) и даже к язычеству. В структуре “Бесов” теория Шатова — одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставрогиным — человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставрогина — источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, “съеденного” этой идеей, — свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана. Зосима же, по собственному признанию Достоевского, был выразителем авторского мировоззрения. “Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его, — писал Достоевский Н.А. Любимову 7 (19) августа 1879 г. — *Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает*, но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица” [7, с. 102] (курсив мой. — О.Б.).

Пока “Россия есть лишь олицетворение души православия”, надеялся Достоевский, она “спасет и обновит мир”, но при одном условии — “если будет веровать”. “Славянофил думает выехать только свойствами русского народа, но без православия не выедешь. Никакие свойства ничего не сделают, если мир потеряет веру” [8, с. 167, 185–186]. Достоевский уже почувствовал такую опасность, о чем свидетельствует ряд народных образов в его творчестве: крестьянин, который, перекрестившись, убил друга за понравившиеся часы (“Идиот”, 1868), бывший крепостной Федька-каторжный, надругавшийся над православной святыней — иконой Богоматери (“Бесы”, 1872), парень, из удалства чуть не расстрелявший причастие (“Дневник писателя”, 1873), русский “созерцатель” Смердяков, ненавидящий Россию (“Братья Карамазовы”, 1878–1880) и т.д.

Спектр сложного отношения Достоевского к народу не был адекватно воспринят и в условиях победившей в 1917 г. революции. В итоге со стороны некоторых авторов сборника “Из глубины” писатель стал объектом достаточно жесткой критики за приписывавшиеся ему “пророчества” и мнения. Другие же публицисты, напротив, по-своему осваивали “достоевскую” концепцию народа. Среди последних можно назвать

Аскольдова с его разделением “души русского народа” на “*святое, специфически человеческое и звериное*”. Интеллигентская пропаганда, по мысли философа, потеснив “святое” и так и не насадив “гуманистического”, спровоцировала в ней преимущественный рост “звериного” [4, с. 225–228]. Причем в Октябрьской революции “востал во весь свой рост не просто зверь, а именно злой зверь, живший в народной душе” [4, с. 239]. Похоже, этот “злой зверь” и стал кульминацией “бесовско”-нигилистического изменения народа, замеченного еще Достоевским.

А вот Бердяев вновь предъявил автору “Бесов” весомый счет не только за “шатовского”, но теперь уже и за “зосимовского” “народа-богоносца”: “Достоевский ошибся <...>”, его “народопоклонство <...> потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись <...>”, “правда, сказанная им о России, не есть слащавая и розовая правда народолюбия и народопоклонства”, не есть “церковный национализм” [5, с. 268, 277]. Более того, “антихристовая” вера в “богоносный революционный народ”, по сути, сделала писателя одним из “бесов”, или “духов”, разразившейся революции, подобно Шатову, с которым его создатель практически был отождествлен Бердяевым [5, с. 270]. Одновременно философу принадлежит подлинное открытие в сфере “народознания” Достоевского — именно Бердяев первым указал на обнажившуюся в октябрьской смуте 1917 г. стихию “смердяковщины” в русском народе: «Достоевский предвидел торжество <...> смердяковщины. Он знал, что подымется в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: “я всю Россию ненавижу” <...> Иван Карамазов и Смердяков — два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов — высокое, философское явление нигилизма; Смердяков — низкое, лакейское его явление <...> Во всякой массе человеческой, массе народной больше Смердяковых, чем Иванов. И в революции как движении масс, количеств, больше Смердяковых, чем Иванов. В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков. Это он сделал на практике вывод, что “все дозволено” <...> Смердяковщина <...> есть последнее проявление хамства» [5, с. 274–275]. В обозначении “хамства” как одной из черт революционного народа, предуказанной Достоевским в образе Смердякова, с Бердяевым были солидарны не только Мережковские с их “Торжест-

вующим Хамом” [14], но и некоторые авторы “Из глубины” — Булгаков, В.Н. Муравьев.

Из пяти булгаковских диалогов под общим заглавием “На пиру богов” проблеме революционного народа посвящены два. Как и в случае с самодержавием, в них столкнулись мнения консерватора, либерала, ортодоксального церковника, патриота, нравственного ригориста и человека, умудренного практическим опытом революционных испытаний. Народ в их интерпретации одновременно и “богоносец”, и “скот”, и “беснигилист”, и воплощение “смердяковщины”, и просто сборище “темных, некультурных людей” (см.: [10, с. 290–303]). Наиболее широко из всех публицистов революционной эпохи представив целостную “достоевскую” концепцию народа, разобранную по идеологическим группам и партиям, в заключение устами Беженца Булгаков выразил собственное понимание ситуации, во многом вытекавшее из воззрений Достоевского: “За русскую душу борются рати духовные, желая отнять у нее вверенный ей дар”, т.е. православную веру [10, с. 322]. Тем не менее именно в булгаковских диалогах прозвучала самая резкая на страницах сборника критика Достоевского, исходившая от Дипломата, выразителя либерально-западной точки зрения: “<...> Достоевский <...> роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продираться чрез туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха” [10, с. 315].

Протестуя против затеянной новой советской властью орфографической реформы русского языка, Вячеслав Иванов воспел настоящий гимн нашему “святому”, “богатому” и “свободному” языку, доставшемуся народу “как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия <...> С таким языком народ наш не мог не исполниться верою в ожидающее его религиозное вселенское дело”. В страшные для России дни и месяцы именно “наш язык” стал спасением “от отчаяния при виде разодранной ризы отечества”. “Злой человеческий произвол”, по мысли поэта-философа, не способен разрушить “замысел Божий” о России и ее народе [16, с. 354, 356]. Как видим, мрачные события конца 1917 — начала 1918 гг. не повлияли на мнение Иванова, высказанное им еще в начале 1917 г., о русском народе как “богоносце” — в том смысле, который вкладывал в это определение старец Зосима и говоривший его устами сам автор “Братьев Карамазовых” (см.: [17]).

По мнению Муравьева, не кто иной, как “народ разрушил Россию” в 1917–1918 гг.: “Это то, что Достоевский в своем гениальном прозрении изобразил в образе Ивана Карамазова, мыслившего смерть отца, и Смердякова, совершившего убийство. Русский народ, появившийся перед нами в образе Смердякова и сделавший злое дело, имеет право сказать интеллигенции перед трупом бездыханной России: ан ты главный убивец и есть!” [18, с. 416, 418]

Констатируя обнаруженную еще в XIX в. “болезнь народного духа” — нигилизм, Франк из “бездны падения” России 1918 г. задался “достоевским” вопросом: “Как и почему случилось, что народ <...>, прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всеческого нравственного распутства?” [13, с. 496]. Причину Франк видел в рассогласованности в русском общественном организме мечтательно-идейных и практически-действенных начал, по которым распределялось добро и зло: первое было бессильным, второе возобладавало в реально-эмпирической жизни.

Горячо обсуждался всеми без исключения авторами “Из глубины” и вопрос об интеллигенции как главном ферменте революционного движения. Вчитываясь в Достоевского при зареве Октября 1917 г., Бердяев увидел в современной ему интеллигенции явные признаки “бесноватости”, “права на бесчестье”, “сантиментальности”, “стыда собственного мнения” и “шигалевщины”. Отсюда знаменательное признание: “Достоевский был более проникновен, чем признанные учителя русской интеллигенции” [5, с. 274]. Такие герои “Бесов”, как Петр Верховенский и Шигалев, определяли, по мнению Бердяева, лицо совершавшейся революции. “Шигалевщина движет и правит русской революцией <...> Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и в том абсолютном уравнивании, которыми увенчалось “развитие и углубление” русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности” [5, с. 272–274].

Интеллигенции посвящен один из “современных диалогов” в булгаковском симпозионе “На

пиру богов”. С одной стороны, по причине своего “нигилизма” и “безбожия”, она признавалась виновницей “развращения” народа и прихода к власти большевиков; с другой — едва ли не лучшей частью русского народа. Первое мнение исповедовали представители консервативного, патристического и ортодоксально-церковного лагеря (Генерал, Писатель, Светский богослов), второе также прозвучало из уст одного из них — Светского богослова. Позиция последнего, как видим, двойственна, что отражало динамику мнений самого Булгакова по этому вопросу. Подобно Мережковскому³, герой Булгакова включил в состав интеллигенции не только сторонников революционно-демократического и социалистического движения, но и христианских мыслителей, великих писателей и философов: славянофилов, Достоевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева и др. Разделив понятия “интеллигенция” и “интеллигентщина”, он предлагал бороться только с последней “во имя духовной культуры” [10, с. 332]. Что же касается критикуемых им представителей “интеллигентщины”, то “уроки истории, пережитые испытания” должны их “многому научить”, “углубить [их] духовное созревание” и “подвинуть <...> к воцерковлению” [10, с. 332]. Надежда на скорое сближение интеллигенции с Церковью, уже не “запятнанной” союзом с самодержавием, теперь свергнутым, одушевляла Светского богослова, участника “всемирного” Крестного хода в Москве 28 января 1918 г. В этом ключе оптимистическая концовка “На пиру богов” — радостные возгласы православной Пасхи, праздника “воскресения из мертвых” — звучит вполне органично. Очевидно, что мысль о желанном “воцерковлении <...> интеллигенции” вполне соответствует заветам Достоевского как создателя образа “русского инока <...> в миру” Алеши Карамазова. И хотя указанная параллель не была прямо озвучена в булгаковских диалогах, она напрашивается сама собой.

Помимо Бердяева, “шигалевскую” метаморфозу революционной интеллигенции засвидетельствовал А.С. Изгоев. По мнению публициста, опыт “военного коммунизма” и “продразверстки” показал правоту логики Шигалева: “Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом” (цит. по: [19, с. 385]). Действительно, «чтобы отобрать у крестьян весь хлеб, кроме крайне необходимого для собственного пропитания и поддержания хозяйства, чтобы заставить рабочих, переведенных на паек, выработать

³См., например, такие статьи Д.С. Мережковского, как “Грядущий Хам”, “Революция и религия” и др.

“урочный” продукт, чтобы при этом поддерживать производство хотя бы на уровне “буржуазного” хозяйства первого года войны, необходимо было крайнее напряжение принудительного аппарата вплоть до расстрелов, лишения хлебного пайка, обречения на голодную смерть и т.д.» [19, с. 385].

Подобно Булгакову и, соответственно, вслед за Достоевским, правовед С.А. Котляревский также видел возможность “оздоровления” интеллигенции только на пути возвращения к вере и Церкви. В целом же его статья посвящена всесторонней критике народничества (“народопоклонства”) как главной интеллигентской идеологии: “Никогда народничество не поднималось до идеи нации, никогда оно поэтому не было способно воспитывать здоровое национальное чувство <...>” [20, с. 392]. В произошедшей “катастрофе” интеллигенция виновата тем, что разрушала “народную веру”, на которой одной и держались “нравственные устои русского народа”, и “на месте ее насаждал[а] чудовищный культ своеволия и классовой ненависти” [20, с. 401]. Вариации той же мысли — в статьях правоведов П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. По мнению первого, правота “Вех”, призывавших интеллигенцию к пересмотру своего мировоззрения после революции 1905 г., полностью доказана в Октябре 1917 г.: “Не только государство наше разрушено, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части <...> Только самые черные дни нашей прошлой истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем” [21, с. 433–434]. Второй констатировал: интеллигенция — “духовный виновник” народного падения в “пропасть” “нравственного ужаса” [11, с. 458].

Не упоминая Достоевского, В.Н. Муравьев в статье “Рев племени” при характеристике интеллигенции постоянно пользовался его категориями: “подполье”, “отвлеченная мысль”, “безответственная мысль” и т.п. Взаимоотношения интеллигенции и народа в процессе революции он осмыслял в образах “Братьев Карамазовых”: помысливший убийство интеллигент Иван и совершивший “злое дело” Смердяков [18, с. 413, 418]. По-видимому имея в виду Белое движение, Муравьев поспешил провозгласить рождение “новой русской интеллигенции”, уже не отделенной ни от народа, ни от христианской веры: “Против России грабежа, насилия и разнузданности встанет грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной поднимается Русь рыцарская” [18, с. 422].

Струве (также без упоминания Достоевского) сделал концептуальной основой своей статьи его категорию “идеи-страсти”, которая должна “восстановить Россию”, — это идея “нации” как духовно-культурной общности всех классов и сословий [12, с. 474–476]. Как тут не вспомнить “Пушкинскую речь” Достоевского с ее призывом к национальному единению?! Именно интеллигенция, считал Струве, а точнее ее “психология и традиция государственного отщепенства”, “и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вождениями, сокрушила великое и многосоставное государство” [12, с. 462]. По наблюдению публициста, “созидательных потенций нет и не видно в русской революции” [12, с. 471] — совсем как в “Бесах” Достоевского, где Петр Верховенский и К^о проповедовали “всеобщее разрушение” [9, с. 78].

Постоянно обращавшийся к Достоевскому Франк, для характеристики российской ситуации 1917–1918 гг. вспомнил, в отличие от остальных авторов “Из глубины”, не “Бесов”, а другое произведение “величайшего русского пророка” — рассказ “Бобок” в составе “Дневника писателя” за 1877 г.: «Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков <...> И если мы, задыхаясь и умирая <...>, в своих тревогах и упованиях продолжаем по инерции мысли бормотать о “заветах революции”, о “большевиках” и “меньшевиках” и об “учредительном собрании”, если мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов <...> — то <...> это все есть тот же “бобок” разлагающегося мертвеца» [13, с. 478–479]. Таков, по Франку, статус интеллигенции в революционных событиях. Свои симпатии автор отдал “истинному духовному консерватизму” [13, с. 491] славянофилов и “почвенников” во главе с Достоевским — только их “религиозно-общественные” идеалы могут “оздоровить” русскую жизнь (см.: [13, с. 497–498]).

Тем не менее, несмотря на констатацию “страшной катастрофы” [5, с. 250], произошедшей с Россией, “национального банкротства и мирового позора” [12, с. 459], “бездны падения”, “возрождением” из которых может быть только “восстание из мертвых с новой душой”, “подлинное воскресение” [13, с. 478–479], большинство статей сборника заканчивались выражением надежды на “великие возможности” [5, с. 289] русского народа. “Идея народа, замысел Божий о нем остается и после того, как народ пал <...>”

[5, с. 289]. “Посевы добра, которые произведены бедствиями, мученичествами и другими испытаниями и научениями русской революции”, могут дать “некоторый плод” в виде “целостного обнаружения христианского идеала общественности”, другими словами — хилиастического 1000-летнего царства праведников на земле во главе с Христом [4, с. 248–249]. О Пасхе Булгакова, “рыцарстве” Муравьева и “национальной идее” Струве уже говорилось выше. Все это — вместе с надеждами Франка на осуществление “идеала религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры” [13, с. 498] (курсив С.Л. Франка. — О.Б.) — в русле представлений не только Достоевского-художника, но и Достоевского-публициста о будущих судьбах России и ее народа. Итак, если в 1905–1906 гг. “Дневник писателя” вызывал в целом отторжение даже у религиозно-философского крыла русской интеллигенции⁵, то опыт 1917–1918 гг. привел к согласию со многими высказанными там взглядами.

Резюмируем мнения рассмотренных авторов сборника “Из глубины” по основным “достоевским” вопросам, имевшим первостепенное значение в революции 1917 г. Во-первых, самодержавие. Оказалось, что не оно виновато в главных русских бедах. Таким образом, Достоевский-“реакционер”, сторонник монархии, был практически полностью реабилитирован. Во-вторых, за немногими исключениями (Булгаков, Вячеслав Иванов), авторы сборника были резко не согласны с концепцией “народа-богоносца”, правда, при этом не различая ее “шатовского” и “зосимовского” изводов. Одновременно происходило проникновение в подлинное представление о народе у Достоевского: было замечено явление так называемой смердяковщины, не только объединявшее “зверя” и “нигилиста” в народной среде, но также осветившее в ней повсеместный рост “хамства”. В-третьих, все авторы “Из глубины” сошлись на том, что Достоевский в “Бесах” отнюдь не оклеветал революционную интеллигенцию, а сказал о ней подлинную правду, открыв и описав явление “шигалевины”. Наконец, с Достоевским полностью разделялись как представление о религиозно-метафизическом смысле русской революции

(“бесноватости” ее устроителей и участников), так и христианский оптимизм по отношению к будущей духовной судьбе русского народа. Подобно концовке “Бесов”, где исцеленный Христом бесноватый сел у ног Спасителя, в финале почти каждой из статей сборника звучали слова надежды на непреходящее “воскресение” низко “павшей”, “мертвой” России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Булгаков С.Н. Чрез четверть века (1881–1906): Очерк о Ф.М. Достоевском // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Юбилейное (6-е) изд.: В 14 т. Т. 1. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906. С. III–XL. [Bulgakov, S.N. [In a quarter of a century (1881–1906): an Essay on F.M. Dostoevsky]. Dostoevskij, F.M. *Poln. sobr. soch. Jubilejnoe (6-e) izd.: V 14 t. T. 1.* [Complete Works. The Jubilee (6th) Edition in 14 Volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, P.F. Panteleev Typografy, 1906, pp. III–XL.]
2. Закржевский А.К. Карамазовщина. Психологические параллели: Достоевский, В. Брюсов, В. Розанов, М. Арцыбашев. Киев: Изд. журнала «Искусство», 1912. 175 с. [Zakrzhevskiy, A.K. *Karamazovshina. Psihologicheskie paralleli: Dostoevskij, V. Brjusov, V. Rozanov, M. Artsybashev* [Karamazov-ism. Psychological Parallels: Dostoevsky, V. Brusov, V. Rozanov, M. Artsybashev]. Kiev, Publishing of Magazine “Art”, 1912. 175 p.]
3. Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 209. [Struve, P.B. [Publisher’s Preface]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, p. 209.]
4. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 210–249. [Askol’dov, S.A. [The Religious Meaning of the Russian Revolution]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 210–249.]
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 250–289. [Berdjaev, N.A. [Spirits of the Russian Revolution.] *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths.] Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 250–289.]
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 472 с. [Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 25* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 25]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 472 p.]
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30 (1). Л.: Наука, 1988. 456 с. [Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 30 (1)* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 30(1)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 456 p.]
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. 416 с. [Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 11* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 416 p.]
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 520 с. [Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 10* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 520 p.]

⁵ См., напр., статьи Д.С. Мережковского “Пророк русской революции” (1906), Л. Шестова “Пророческий дар” (1906), С.Н. Булгакова “Венец терновый (Памяти Ф.М. Достоевского)” (1906), В.В. Розанова «Послесловие к комментарию “Легенды о Великом инквизиторе»» (1906), Волжского <А.С. Глинки> “Достоевский и самодержавие” (1906), Г.И. Чулкова “Достоевский и революция (По поводу двадцатипятилетия со дня смерти Достоевского)” и др.

- V 30 t. T. 10* [The Complete Works in 30 Vols. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 520 p.]
10. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 290–353. [Bulgakov, S.N. [At the Feast of the Gods. Pro and Contra. Modern Dialogues]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 290–353.]
 11. Покровский И.А. Перуново заклятье // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 443–458. [Pokrovskiy, I.A. [The Perun's Spell]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 443–458.]
 12. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 459–477. [Struve, P.B. [The Historical Meaning of the Russian Revolution and National Tasks]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 459–477.]
 13. Франк С.Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 478–499. [Frank, S.L. [De profundis]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 478–499.]
 14. Мережковский Д.С. Революционная демократия // Новые ведомости. Вечерний выпуск. 1918. 6 июня (24 мая). [Merezhkovskiy, D.S. [Revolutionary Democracy]. *Novye vedomosti. Vechernij vypusk* [The New Statements. Evening Edition]. 1918. June 6 (May 24).]
 15. Бузина Т. Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Выпуск 17. М.: Издатель С.Т. Корнеев, 2003. С. 110–124. [Buzina, T. [Orthodoxy and the Preaching of the True Faith: Dostoevsky, Shatov and Spiritual Poems]. *Dostoevskij i mirovaja kul'tura* [Dostoevsky and World Culture], *Vypusk 17* [Issue 17]. Moscow, S.T. Korneev Publ., 2003, pp. 110–124.]
 16. Иванов В.И. Наш язык // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 354–360. [Ivanov V.I., [Our Language]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 354–360.]
 17. Иванов В.И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 312–336. [Ivanov, V.I. [The Face and Masks of Russia. Toward the Study of the Ideology of Dostoevsky]. Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [The Natural and the Universal]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 312–336.]
 18. Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 402–423. [Murav'ev, V.N. [The Tribal Roar]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 402–423.]
 19. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 361–387. [Izgoev, A.S. [Socialism, Culture and the Bolsheviks]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 361–387.]
 20. Котляревский С.А. Оздоровление // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 388–401. [Kotljarevskiy, S.A. [Recovery]. *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 388–401.]
 21. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 424–442. [Novgorodtsev, P.I. [On Ways and Tasks of the Russian Intelligentsia] *Vehi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 424–442.]